

Юрий БЕЛОВ:

НЕПРОИЗНЕСЕННЫЙ МОНОЛОГ КОМЕДИЙНОГО АКТЕРА

— Почти в 20 фильмах видели вы меня, дорогие товарищи, а в каких запомнили?

— Простите, что я так подробно рассказываю о старой роли в старом фильме. Но она пока самая дорогая для меня...

— Как заставить зрителей поверить в реальность таких людей, как Стрельцов?..

— Жизнь обгоняет нас неудержимо. Надо стараться идти с ней в ногу!
Фото Г. Тер Ованесова.

МНЕ ЧАСТО приходится не только сниматься в новых ролях, но и встречаться со зрителями по поводу старых. Совсем на днях я вернулся с Камчатки, где снова рассказывал, как делается фильм, что происходит на съемках и каковы мои творческие планы.

И показалось мне, что говорю я не о том, чего ждут слушатели, и, самое главное, не то, что сам хочу сказать.

Может быть, почувствовал я это с особенной остротой потому, что там, рядом с Камчаткой, на Курилах, я рос и воспитывался в интернате. Оттуда с грамотой сахалинского смотрителя самодеятельности в чемодане сел на пароход. Плыл пять дней до Большой земли, а потом трое суток летел самолетом в Москву, во ВГИК. И посту-

пил на курс Пыжовой и Бибикова — ведь не отправлять же парня обратно в такую даль... А сейчас захотелось оглянуться назад и вспомнить, что же я делал после окончания института.

Играл разные роли. Снимался часто. Упоминался и в первых строках титров, и в общем списке исполнителей эпизодов. А теперь вот еще и рассказываю — как это бывает, когда обыкновенный человек вдруг становится киногероем. Веселю смешными случаями. Ведь я комедийный — зрители ждут смешного.

Нет. Не об этом нужно рассказывать. Не об этом...

...Почти в 20 фильмах видели вы меня, дорогие товарищи, а в каких запомнили?

Я, например, запомнил больше всего Толю Грачкина в «Непод-

дающихся». И не потому, что это большая роль, а я чаще всего снимался в эпизодах.

Толя Грачкин был одним из многих живых, из жизни перенесенных в искусство людей. Я сам знал десятки таких, как он, встречался с ними не раз.

Ясно представляю себе как этот Толя под влиянием всеобщей мальчишеской моды надвинул на глаза кепочку, зажал в углу рта папироску и пошел на танцы. Как он, поддерживая протывоественный для него, но укоренившийся у многих ребят молодецкий тон нахального цинизма, безразлично ведет свою даму по танцевальному кругу. Потом, бросив ее посередине зала, вразвалочку (обязательно вразвалочку) уходит к группе таких же в кепочках на глазах...

Можно осуждать его. Можно защищать. Я защищал. Мне казалось, что под этой модной маской Толя скрывал смущение и растерянность подростка. Что сердце у него золотое и душа чистая.

Я видел и запомнил этих ребят совсем иными. Это было еще до съемок «Неподдающихся».

Вместе с М. Хуциевым мы, участники фильма «Весна на Заречной улице», попали на завод «Запорожсталь» в горячий цех.

Работала молодежь. Двое ребят прожигали кислородом летку. Потому быстро отбежали в сторону. И сталь пошла. А кислородный шланг впопыхах забыли где-то на полу. Мастер, как водится, наклонился на них за ротовзайство.

Тогда один, такой, как мой Грачкин, выплюнул сигарку, по-

смотрел на нас, посторонних, стоящих тут же, и пошел за шлангом.

Там была нестерпимая жара от расплавленной стали. А он, не торопясь, вразвалочку, подошел, нагнулся, поднял шланг и отнес его мастеру.

Вот этот эпизод и послужил для меня ключом к герою «Неподдающихся». Вместе с режиссером Чулюкиным мы решили не спешить с осуждением грачкиных. Право же, из таких вот неподдающихся часто вырастают настоящие человеческие личности.

Простите меня, что так подробно рассказываю о старой роли в старом фильме. Но она пока самая дорогая для меня. Потому, что настоящая правда лежала в ее основе и актеру надо было только верно почувствовать эту правду, найти верные жизненные ассоциации и тогда «сам собой» складывался человеческий образ.

А вот в картине «Спящий лев» я играл скромного инспектора банка Стрельцова, такой образ не сложился. Получилась скучная, без всякой логики составленная схема.

Что? Вам этот фильм тоже не понравился? А ведь никогда раньше не собиралось одновременно для одной картины столько популярных комедийных актеров. И Сорокин, и Мартинсон, и Филиппов, и Пуговкин. А спящий лев так и не проснулся, потому что надуманной и схематичной оказалась литературная основа фильма. Правильная в общем мысль, что в одном человеке часто живет лев и заяц, и неизвестно, кто кого победит, — решалась совершенно иллюстративно и лобово. Ну как мог я объяснить зрителям, что мой герой смел с начальством и до глупости труслив — нет, не с любимой — это еще бы-

вает, а с ее отцом, забитым и темным служащим Цветковым? И как можно всерьез бороться с полным кретинизмом и неучем Телгиным? Ведь в этой борьбе проигрывали больше положительные герои фильма, чем телегины.

Пэра, кажется мне, задуматься нашим сценаристам и режиссерам над образом и отрицательного героя. Иначе конфликт произведения оказывается дутым, искусственным. Управхозам и продавцам — этим вечным спутникам комедийных актеров — пора дать отдых. Хорошо бы одновременно уменьшить количество лирических неудачников и неулюбимых обожателей.

И, обернувшись лицом к действительности, уловить в событиях окружающего те социальные типы людей, которые подлежат осмеянию, с которыми действительно борются и которых побеждают в жизни герои положительные.

А уж когда такие типы найдены, пусть авторская и режиссерская фантазия расцветивает их узором самых искрометных сатирических положений и эффектов.

Вот что заветелось сказать мне там, на далекой и богатой земле Камчатки, в суровом и героическом крае людей, которые так любят и умеют смеяться, чья жизнь может служить поводом и приключенческой комедии, и комедии фантастической.

Я летел в Москву всего один день. И подумал, что наш комедийный кинематограф недалеко ушел от того времени, когда я только поступил в институт. Он движется еще старыми темпами. Три дня самолетом, пять дней пароходом.

Жизнь обгоняет нас неудержимо. Надо стараться идти с ней в ногу.

Записал Е. СЕМЕНОВ. }

«Сов. кино» Гавр. 1966г